конструирующие жизнь приходов. Так, французская исследовательница Кати Русселе в своей главе «Об отношениях между священниками и мирянами: послушание и благословение» исследует интерпретации понятий (и стоящих за ними практик) «послушание» и «благословение», их роль в жизни прихожан и даже устройстве прихода. Эти два понятия являются ключевыми для характеристики системы церковного авторитета, всего типа отношений внутри Церкви. Автор приходит к выводу, что эти практики можно отнести к формам социальных связей, которые Лоран Тевено назвал «грамматикой общего через близкое»: «давая благословение и налагая послушание, священник позволяет человеку стать частью общины, сообщества, будь то храм, приход или вся Церковь, которые суть те общие места, о которых говорит Тевено» (с. 314). Эти установки, доминирующие в Церкви, можно противопоставить опыту «либеральной грамматики», предполагающей «согласование взаимных уступок».

Не буду специально останавливаться на других главах книги. Стоит лишь кратко упомянуть интересный анализ Борисом Кнорре психологических типов внутри церковной субкультуры; парадоксальный вывод Ивана Забаева о господствующем в русском православии «сакральном индивидуализме»; необычный случай самоорганизации приходской общины в Тюмени в отсутствии священника в тексте Романа Поплавского и другие главы. В целом, книга представляет собой одну из первых попыток изучения современного русского православия не на уровне официальных документов и заявлений руководства РПЦ, а на «корневом» уровне, уровне общин и приходов, и такой подход погружает нас в реальные процессы, протекающие в Церкви. Остается только сожалеть, что вполне академическое, но слишком уж нейтральное название сборника вряд ли способно привлечь потенциально заинтересованных читателей.

Л. Жукова

Bellah R. N. **Religion in Human Evolution. Cambridge (Mass.), London: The Belknap Press of Harvard University Press, 2011. — 746 p.**

«Религия в человеческой эволюции» — *opus magnum* известного американского социолога Роберта Беллы, книга, которая, в общем и целом, подводит итог его многолетним исследованиям. Соответственно, и цель, которую ставит перед собой ав-

тор, более чем амбициозна: Белла хочет обнаружить и зафиксировать рождение и развитие религии на фоне биологической и культурной эволюции человека и в непосредственной связи с ней (рассматривая при этом колоссальный по протяженности период — от Большого Взрыва до «осевого времени»). Но и это еще не все. В конечном счете, исследование, предпринимаемое Беллой, должно привести к пониманию того, как «религия создает иные миры и как эти миры взаимодействуют с миром обыденной жизни»[6]. Очевидно, что в короткой рецензии дать оценку грандиозной работе, проделанной автором, решительно невозможно. Труд Беллы, несомненно, заслуживает глубокого и детального изучения (и я совершенно уверен, что в обозримом будущем такие исследования обязательно появятся).

Тем не менее, возьму на себя смелость высказать некоторые самые общие соображения об этой — во всех отношениях примечательной — книге. Начать надо, вероятно, с того, что Белла — эволюционист, но его эволюционизм совсем другого типа, нежели тот, приверженцами которого являются воинствующие атеисты типа Докинза или Хитченса. Если последние считают религию недоразумением, неким сбоем в эволюционном процессе, который необходимо устранить, то для Беллы религия, наоборот, является *естественным* следствием биологической эволюции человека, а потому не может быть от нее отделена.

Биологическая история человеческого вида (т. е. эволюция) является частью человеческой истории (поэтому, кстати, Белла считает неверной идею о том, что метод биологии как *естественной* науки должен принципиально отличаться от метода антропологических дисциплин). Эволюция — это сложный процесс, и в нем присутствует определенный смысл (здесь Белла в очередной раз подчеркивает свое расхождение с Докинзом в понимании эволюции); более того, можно сказать, что эволюционируют именно смысл и намерение (*meaning and purpose*). Конечно, это не следует понимать в духе креационистской телеологии того или иного типа: Белла имеет в виду, что эволюция — это развитие и реализация определенных возможностей (*capacities*), в том числе и культурных; человечество является не только объектом, но и субъектом эволюции. В этом контексте религии — тоже своего рода реализации возможностей, и именно как таковые они могут быть встроены в эволюционный порядок.

6. *Bellah R. N.* Religion in Human Evolution. Cambridge (Mass.), L., 2011. P. xvii.

Но в чем тогда заключается сущность религии? И как религия эволюционирует? Отвечая на эти вопросы, Белла обращается к культурологическим концепциям Клиффорда Гирца и Мерлина Дональда. Что касается определения религии, то он, вслед за Гирцем, склонен понимать ее как символическую систему: «Религия — система символов, которая, когда она признается человеческими существами, устанавливает мощные, долговременные и всеобъемлющие настроения и мотивации, которые производят смысл в терминах идеи общего порядка существования»[7]. Эта «смыслосозидающая» функция религии крайне важна для Беллы: религия социологически интересна не потому, что она описывает социальный порядок, но потому, что она сама создает его.

Эволюцию так понимаемой религии Белла пытается представить в контексте схемы Мерлина Дональда, который рассматривал три стадии развития человеческой культуры: миметическую, мифическую и теоретическую. Эволюционный процесс начинается с т. н. «эпизодической культуры» (по сути, «протокультуры», которая обща для человека и высших животных и никоим образом не является символической системой). Затем (ок. 2 млн. лет тому назад), с появлением вида «homo erectus», человечество вступает в эпоху «миметической культуры», в рамках которой создаются долингвистические символические традиции (танец, ритуал, ремесло). Затем (250–100 тыс. лет тому назад) возникает язык, который делает возможным сложный нарратив; так появляется «мифическая культура», которая не столько замещает «миметическую», сколько сращивается с ней. Наконец, в 1 тыс. до н. э., в эпоху т. н. «осевого времени», появляется «теоретическая культура», которая претендует на то, чтобы устранить две предшествующие (отсюда «деритуализация» и «демифологизация» вкупе с «рационализацией»), однако, в конечном счете, не уничтожает их полностью.

Религия эволюционирует по этой же общей схеме (таким образом, что «мифологической» стадии культуры соответствует племенная религия, а «теоретической» стадии соответствует, например, буддизм с его «рационалистическим» подходом). При этом Белла подчеркивает, что «религиозная эволюция не подразумевает прогресс от плохого к лучшему. Мы не движемся от „примитивной религии“, характерной для первобытного племени, к „высшим религиям“, которые имеются у людей вроде нас... Религиозная эволюция добавляет новые возможности (*capacities*), но не говорит

7. Ibid. P. xiv.

нам ничего о том, как их надлежит использовать»[8].

Безусловно, по большей части Белла весьма убедителен, а его аргументация кажется безупречной. Однако временами возникают кое-какие вопросы. Например, говоря о «практических целях» своей книги, Белла пишет: «как некоторые из нас знают (и должны знать все), в данный момент мы находимся в самой середине „великого шестого вымирания видов“... наш уровень адаптации возрос настолько, что нам трудно адаптироваться к нашим адаптациям»[9]. Таким образом, Белла уверен, что катастрофа, результатом которой станет гибель человечества и большинства видов живых существ, не только неизбежна, но уже началась. Конечно, современное антропное давление на окружающую среду кажется беспрецедентным, но между давлением и апокалипсисом (термин, употребляемый самим Беллой) все-таки имеется существенная разница, а потому хотелось бы увидеть какие-то более убедительные доказательства наличия биологической катастрофы, нежели просто отсылка к тому, что «так уже было, причем пять раз».

Кроме того, некоторое удивление у меня вызывает следующий момент. Определяя религию, Белла принципиально избегает словосочетаний типа «вера в сверхъестественное» или «вера в Бога». Понятно, почему это так: ему необходимо, чтобы в числе религий оказались конфуцианство и некоторые другие традиции, в которых «вера в Бога» особой роли не играет. Однако при исключении из определения религии понятия о трансцендентном, священном и т. д., характерной чертой, отличающей религию от других явлений культуры, оказывается только то, что «религии отвечают на предельные вопросы» (например, о смысле жизни). Но при таком подходе религиозной может быть названа любая доктрина, затрагивающая Большие Вопросы — например, атеизм Докинза. И действительно, Белла пишет о нем, что «это такой вариант религиозной позиции: предельный смысл жизни заключается в отсутствии смысла»[10]. Или, как он говорит в одном своем интервью, «секуляризм, который мы с гордостью поддерживаем в качестве нерелигиозного, на самом деле есть религия, имеющая древние корни... Некое религиозное измерение неустранимо, на мой взгляд; и это относится даже к мистеру Докинзу и мистеру Хитченсу, хотя они никогда этого не признали бы»[11].

8. Ibid. P. xiii.

9. Ibid. P. 601.

10. Ibid. P. xiii.

11. http://blogs.ssrc.org/tif/2009/09/08/rethinking-secularism-and-religion-in-the-global-age/

Конечно, желание Беллы избежать отождествления «религии вообще» и поздних религиозных традиций (таких как христианство) вполне понятно и оправдано, но, как мне кажется, принципиальное исключение из определения религии таких понятий, как «трансцендентное» и «священное», полностью уничтожает объект религиоведческой науки. Возможно, Белле как *социологу* это безразлично, но, тем не менее, даже как социолога его можно спросить о том, чем принципиально отличается (если отличается), например, марксизм от ислама? И имеется ли принципиальное различие между американской «гражданской религией» (термин, изобретенный Беллой еще в 1960-х) и верой рядового католика в существование трансцендентного Бога? И если, согласно мнению Беллы, «слова „религия“ и „секуляризм“ используются столь хаотично и в столь разных смыслах, что практически бесполезны»[12], то тогда — чтобы избежать ненужных ассоциаций — не лучше ли было назвать свою книгу как-то более нейтрально, например, «Культура в человеческой эволюции»?

А. Апполонов

12. http://blogs.ssrc.org/tif/2009/09/08/rethinking-secularism-and-religion-in-the-global-age/

Orthodox Christianity in 21st Century Greece / Eds. Victor Roudometof and Vasilios Makrides. London: Ashgate, 2010. — 268 p.

Книга включает десять статей известных ученых, определяющих сегодня исследования по современному греческому православию. Почти все авторы, включая редакторов книги Виктора Рудометова и Василиоса Макридеса, являются этническими греками, но только половина из них представляют греческие университеты или исследовательские центры, остальные работают на Западе. Обладая солидным западным образованием, в сочетании с отличным знанием Греции изнутри и знакомством с первоисточниками, все авторы представляют нам интересную, разнообразную картину публичной, политической и более широко — общественной роли современной Греческой церкви.

Сегодня мы смотрим на Грецию через призму постоянных новостей о кризисе 2011–2012 гг. Ведь это не просто экономический или социальный кризис, но и кризис идентичности: